

стрелные к нам к турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя» с обвинением Максима и Саввы на суде митрополитом в том, что они «посылали грамоты к турским пашам, и к самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и великаго князя, Василия Ивановича всеа Руси и на всю его благочестивую державу». Только официальную версию Боровский летописец расцвятил фантастическими подробностями о железных стрелах, которые греческие монахи из Москвы посылали в качестве подарков турецким пашам. Еще в одном отношении составитель Боровского летописца пошел дальше официальной версии: в рассказ он суд о включил известие о покаянии Максима и Саввы («сказали на соборе во всем виноваты»), известие более чем сомнительное, так как в судном списке Максима Грека сообщается, что его упорное непокаяние и явилось одной из причин вторичного суда над ним.

Известия летописца Пафнутиева Боровского монастыря об изменнических сношениях Максима Грека с Турцией не могут служить подтверждением справедливости его обвинения во внешнеполитической измене, так как они представляют собой вариант той же самой церковно-правительственной версии, которая была сформулирована и в судном списке⁴⁵.

Составной частью обвинения Максима Грека в изменнических сношениях с Турцией является обвинение его в связях с турецким послом Скиндером, в осведомленности о стремлении последнего вызвать войну между Турцией и Россией и в у молчании об этом. Сторонники виновности Максима Грека считают связи его со Скиндером несомненными.

Б. И. Дунаев объясняет их принадлежность Скиндера (грека, из рода князей Мангупских), так же, как и Максима Грека, к партии греческих патриотов, видевших в войне России с Турцией средство освобождения Греции. Однако доказательства, приводимые Б. И. Дунаевым в пользу принадлежности Скиндера к греческим патриотам (указание на его греческое происхождение и заявления о намерении «учинить вражду» между Россией и Турцией)⁴⁶, вряд ли могут быть признаны состоятельными. Статейные списки турецких дел рисуют Скиндера как капризного и корыстолюбивого турецкого дипломата, недовольного приемом, оказанным ему в Москве и грозившим в отместку «учинить вражду» между султаном и великим князем⁴⁷. Поэтому прав, как нам кажется, И. И. Смирнов, рассматривающий Скиндера как представителя греческой знати, перешедшей на службу к турецкому правительству⁴⁸. Но если греческий патриотизм Скиндера оказывается более чем сомнительным, то благодаря этому исчезает и почва для предположения о возможности на основе идейной близости тесного общения между Скиндером и Максимом Греком, действительно греческим патриотом⁴⁹.

И. И. Смирнов, объяснявший конспиративные связи между Скиндером и Максимом Греком их общей службой турецкому султану, в доказательство этих связей ссылается на показания Максима во время следствия по делу Берсеня Беклемишева. Максим, передавая содержание своих разговоров с Берсенем, показал, в частности: «Да Берсень жо меня въспросил: «ведаешь ли, Максим, почто сюда Турецкого посол Искандер пришол?» И яз молвил: «не ведаю; а слышу, что с ним денги салтановы, купить, что будет потребная»⁵⁰. Нам кажется, что ни вопрос Берсеня, ни ответ Максима отнюдь не являются показателями конспиративной близости

⁴⁵ Близкие к нашим возражения (но в очень лаконичной форме) на рассмотренную аргументацию И. И. Смирнова высказал И. У. Будовниц (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 142—144, прим. 2).

⁴⁶ Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 16, 22, 28—29.

⁴⁷ Там же, стр. 28.

⁴⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 120—121, 123.

⁴⁹ См. выше, стр. 112, и ниже, стр. 120.

⁵⁰ ААЭ, т. I, № 172, стр. 143.